

«АМЕРИКА НАДЛОМЛЕННАЯ»? НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ, ИДЕОЛОГИИ И ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В США

Интервью: Владимир ПЕЧАТНОВ
Беседовал: Максим СУЧКОВ

Аннотация: Политика Соединенных Штатов – внутренняя и внешняя – анализ ее исторических оснований, актуальных сюжетов, тенденций и перспектив развития занимали особое место в системе российской школы о международных отношениях. С одной стороны, интерес к этой теме всегда задавался ее прикладным характером: на протяжении большей части XX века США были главным противником СССР, а сегодня отношения двух стран находятся в состоянии системной конфронтации уже другого рода. С другой – своей историей, экономикой, культурой, идеологией и политикой США как государство-эксперимент и общество-лаборатория всегда были полем научных поисков и объектом интеллектуальных размышлений для исследователей всех социо-гуманитарных дисциплин. Все эти работы раскрывают разные грани американской действительности, но для отечественных американистов из числа историков и политологов особенно ценны те, которые позволяют найти ключ к пониманию движущих сил американской политики, прогнозировать ее развитие. Беседа с ведущим российским историком-американистом В.О. Печатновым – попытка разобраться в этих ключевых вопросах.

Ключевые слова: США, стратегия, внешняя политика, преемственность, идеология, политические партии, Россия

Владимир Олегович Печатнов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор МГИМО, профессор Кафедры истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-6733-031x. E-mail: vopechatnov@gmail.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Максим Александрович Сучков – кандидат политических наук, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем, директор Института международных исследований МГИМО МИД России; шеф-редактор журнала «Сравнительная политика».

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступило в редакцию: 10.03.2024

Принято к публикации: 28.03.2024

Максим Сучков (М.С.): Владимир Олегович, Ваша студенческая дипломная работа, которую Вы писали под руководством профессора В.М. Кулагина, была посвящена идеологии внешней политики США. Для любого исследователя-американиста понимание диалектики прагматизма и идеологии в американской политике – одна из ключевых эпистемологических задач. Как Вы для себя отвечаете на этот «проклятый» вопрос о соотношении идеологии и прагматизма в политике США? И насколько сегодня, во все более материалистичном мире, идеология, по Вашему мнению, является движущей силой американской политики?

Владимир Печатнов (В.П.): Действительно, моя дипломная работа была олиберальной и консервативной разновидностью антикоммунизма во внешней политике США – актуальная тогда тема, поскольку именно антикоммунизм считался главной движущей силой американской политики. Но я старался показать, что в этой идеологии есть неоднородные течения, которые по-разному влияют на внешнеполитическую практику. Что касается диалектики прагматизма и идеологии, то это классическая постановка вопроса, в которой реализм (прагматизм) обыкновенно противопоставляется идеализму, национальные интересы – принципам и ценностям. На мой взгляд, диалектика их взаимодействия более сложная, а связь – более тесная, чем обычно представляется. Во-первых, само восприятие национальных интересов во многом (за исключением базовых понятий обеспечения безопасности национальной территории, населения и союзников) происходит через идеологическую ценностную призму. Мы видим, как радикально расходятся сейчас представления о национальных интересах демократов и республиканцев – глобалистов и националистов.

Во-вторых, несмотря на такой синтез, речь все же идет о различных константах внешнеполитической традиции США – ее геополитической (военно-силовой) и идеологической составляющих, которые в разных соотношениях переплетаются на всем протяжении американской истории. Сердцевиной этой идеологии является мессианство – представление об особой роли и предназначении США в мире. Зародившееся еще на заре американской истории и подкрепленное успешным опытом последующего развития, оно стало основой американской идентичности как страны, несущей в мир свободу и демократию. Ведущий российский историк-американист В.В. Согрин называет это «демократическим имперским мессианизмом» (Согрин, 2015). Второй президент США Джон К. Адамс говорил об «избранном американском народе, в руках которого находится свобода человечества и слава человеческой природы». Еще через сто лет один из первых идеологов американской империи соратник Т. Рузвельта, сенатор А. Беверидж уточнил содержание этой миссии: *«Господь сделал нас мастерами-организаторами мира, которые устанавливают систему вместо хаоса..., мы – попечители мирового прогресса»*. С тех пор риторика несколько изменилась, но суть осталась прежней – убежденность в универсальности американских принципов, благодати

американской мощи для всего мира, необходимости цивилизаторской миссии и мирового лидерства США как опоры «основанного на правилах порядка», без которого мир погрузится в хаос.

И рядом с этим, казалось бы, предельно морализаторским идеалистическим мессианством – сугубый прагматизм в духе «баланса сил», с его установками на извечность межгосударственного геополитического соперничества в борьбе за расширение границ и сфер влияния, культом военной мощи, цинизмом в использовании других государств в своих целях. Унаследованный из опыта другого островного государства – Великобритании, он хорошо прижился на американской почве, пропитанной духом коммерции и жесткой конкуренции. Умение трезво рассчитывать и экономить свои силы за счет других, играть на противоречиях между соперниками, эгоистично отстаивать свои интересы, не оглядываясь на эмоции и международное право – все это свойственно внешней политике США с самого их появления на свет. Геополитической путеводной звездой американской «большой стратегии», начиная с Первой мировой войны, было и остается предотвращение враждебного доминирования над критически важным «хартлэндом» Евразии, а на региональном уровне – сохранение проамериканского баланса сил в Европе, Восточной Азии и на Ближнем Востоке.

При этом мессианство и прагматизм не противоречат, а дополняют друг друга. Было бы упрощением считать мессианские претензии одним только циничным прикрытием геополитических целей, хотя такая функция тоже имеет место. Скорее можно говорить об их обосновании. Если США – это сила добра и прогресса, то любое сопротивление им является по определению злом и реакцией, а избранному народу позволено то, что не позволено остальным, в том числе – использование самых грязных методов в достижении столь высоких вселенских целей. Здесь, кстати, кроется важный источник американских двойных стандартов в оценке собственного и чужого поведения.

Вместе с тем распространение свободы и демократии в их американском понимании имеет для США и сугубо прагматические преимущества. Демократические государства открыты для проникновения американских товаров, капиталов и идей. Плюрализм их политических систем дает возможность внешнего влияния на расстановку политических сил, а значит, и саму политику; этот же плюрализм ограничивает свободу рук национального политического руководства, делает его поведение более умеренным и предсказуемым. Словом, государства такого типа являются для США более безопасными и удобными партнерами, чем закрытые авторитарные системы.

Разумеется, соотношение мессианства и прагматизма в реальной внешней политике варьируется в зависимости от многих факторов: международного контекста, внутренней ситуации, накопленного внешнеполитического опыта на данный момент. Как правило, прагматизм выходит на первый план после провалов очередных мессианских «увлечений» по переустройству мира. Вьетнамская война привела к организованному отступлению в виде политики разрядки Никсона–Киссинджера; провальные двадцатилетние войны

на Ближнем Востоке – к уходу из Афганистана и оживлению изоляционистских настроений в США. В то же время стерильная деидеологизированная политика в духе «баланса сил» не получает длительной устойчивой поддержки в американском обществе, поскольку такая политика не имеет морального обоснования и не резонирует мессианскому духу американцев.

М.С.: В продолжение темы идеологии: часто приходится слышать, что идеологические импульсы в межгосударственном противостоянии якобы задают демократы, а для республиканцев важнее мотивы военного и геополитического характера. Насколько, на Ваш взгляд, справедливо подобное восприятие «разделения труда» во внешнеполитическом преломлении Соединенных Штатов или это упрощение реальной картины?

В.П.: Вряд ли можно говорить об устойчивом и неизменном «разделении труда» между партиями. Здесь многое зависит от исторического контекста. Были времена, например, на рубеже XIX–XX веков, когда Республиканская партия выступала мотором внешней экспансии под лозунгами создания американской империи, а демократы играли роль антиимпериалистической оппозиции. При Вудро Вильсоне и особенно Франклине Рузвельте демократы стали партией либерального интернационализма, а республиканцы выступали с изоляционистских позиций. В годы холодной войны эти различия сгладились, поскольку возник весьма устойчивый внешнеполитический консенсус на базе стратегии сдерживания коммунизма. Но и тогда, как показал в своей известной работе ведущий знаток этой стратегии Дж. Гэддис, оставались межпартийные различия в части форм ее реализации: демократы, как партия кейнсианского и реформистского толка, использовали более широкий набор финансовых и других инструментов для проведения активной внешней и военной политики, применяли методы социального маневрирования в противодействии коммунистическому влиянию (Gaddis, 2005). Яркий тому пример – программа «Союз ради прогресса» для Латинской Америки. Эту связь внутреннего и внешнеполитического реформизма я показал в своей первой монографии по Демократической партии (Печатнов, 1980). Республиканцы же придерживались традиционного фискального консерватизма и предпочитали привычные силовые рычаги. После развала консенсуса холодной войны спектр межпартийного дискурса по внешней политике расширился – от неоиоляционистских настроений на либертарианском фланге Республиканской партии и леволиберальном фланге демократов до откровенно гегемонистских притязаний в духе «однополярного мира» среди правых республиканцев (проект *“The New American Century”*). В годы президентства демократа У. Клинтона на практике преобладал вариант «мягкой гегемонии», а при республиканце Дж. Буше-младшем – «жесткой гегемонии» с военно-силовым подавлением «врагов Америки» на Ближнем Востоке. Но геополитический стержень американской стратегии, особенно на постсоветском направлении, оставался одним и тем же: сделать необратимыми геополитические плоды победы в холодной войне, заполнить вакуумы мощи, образовавшиеся на постсоветском пространстве, освоить это пространство, втягивая его

в систему западных союзов (НАТО и ЕС), предотвратить появление на нем новых самостоятельных центров силы, прежде всего – России. Отличия касались в основном методов: демократы как либералы и оптимисты переоценивали возможность быстрого транзита России к рынкам и демократии и возможности США влиять на этот процесс, тогда как консерваторы-республиканцы более скептически оценивали перспективы интеграции России в качества «младшего партнера» США, не хотели тратить ресурсы на помощь этому транзиту и в большей степени, чем демократы, стремились подстраховаться на случай появления так называемой «Веймарской России».

В настоящее время межпартийные расхождения снова усилились, что отражает процесс углубления партийно-политической поляризации, о которой сейчас не пишет только ленивый. Не буду вдаваться в причины этого явления, которые носят глубокий и долгосрочный характер. Скажу только, что, судя по замерам общественного мнения и поведению обеих партий, никогда еще различия между партиями не распространялись в такой степени на внешнюю политику. Водоразделы проходят по линиям: глобализация и экономическая интеграция, роль Америки в мире, отношение к союзникам и международным обязательствам, использование военной силы, участие США в международных организациях, глобальные проблемы. При этом Республиканская партия явно тяготеет к большему изоляционизму, свободе рук, опоре на военную силу и национальному эгоизму, а демократы – к сохранению мирового лидерства США, многосторонности, более широкому использованию «мягкой силы». Вместе с тем, углубляются и различия внутри каждой из партий.

М.С.: Говоря о межпартийных расхождениях – пожалуй, со времен первого президентского срока Обамы, в обеих партиях наблюдается внутрипартийный дрейф к «краям». Начиналось это постепенно, как что-то хоть и громкое, но в целом маргинальное и не угрожающее партийному истеблишменту (партия «чаепития»), а теперь трамписты, так называемые **MAGA Republicans** фактически задают тон у республиканцев. У демократов новый «левый поворот», т.н. прогрессисты, собирался как снежный ком и в итоге набрал – и продолжает набирать – силу, с которой ни один демократ, претендующий в политике на что-то серьезное и долгосрочное, не может не считаться. Кто-то сравнивает происходящее с периодом конца 1960-х гг. Вы еще в начале 2000-х гг. писали о «левом уклоне» в демократической партии. Насколько, по Вашей оценке, подобные исторические аналогии адекватны для понимания современных процессов?

В.П.: Вы правы, этот «дрейф по краям» в последние годы действительно усилился, что связано с той же самой поляризацией. Однако сам феномен взаимодействия низового социального протеста и партийных элит, в ходе которого последние вынуждены приспосабливаться к радикализации правого и левого толка – явление далеко не новое в американской политике. Оно проходит через всю партийную историю, как я, в частности, показал на примере Демократической партии в своей докторской диссертации и книге на ее основе, посвященной взаимодействию партийных элит с

массовыми движениями социального протеста (Печатнов, 2008). Но основы современного «разделения труда» в этом отношении между обеими партиями сложились с 1930-х годов, когда демократы стали либеральной партией социальных реформ, а республиканцы – оплотом консерватизма. В этой конфигурации при монополии двухпартийной системы левые силы стали поневоле «дрейфовать», а потом и примыкать к демократам, а правые – к республиканцам. Это создавало проблемы для партийных элит, но и позволяло им питаться энергией радикального социального протеста за счет частичного перехвата его требований и инкорпорации его лидеров и массовой базы в состав своей электоральной коалиции. Так, демократы постепенно поглотили левые фермерско-рабочие партии 1930–1940-х годов, афроамериканский и антивоенный протест 1960-х, а республиканцы – белый расистский Юг (партию Дж. Уоллеса), правый фундаментализм и движение «новых правых» 1970–1980-х гг. Но это было достигнуто ценой серьезных изменений в доктринах, политике и электоральном составе обеих партий – возникал тот самый «левый уклон» в Демократической партии и «правый уклон» в случае республиканцев. Современные же «уклоны» на базе правого и левого популизма возникли как реакция на провалы традиционных политических элит, проявившиеся в финансово-экономическом кризисе 2008–2010 гг., издержках глобализации, стагнации уровня жизни трудовой Америки и растущем имущественном неравенстве на фоне непопулярных войн на Ближнем Востоке. «Партия чаепития» с одной стороны и движение «Оккупируй Уолл-стрит» – с другой стали первыми яркими проявлениями этого популистского протеста. Их объединяло острое недовольство существующим статус-кво, противопоставление народа правящим элитам, поиск простых радикальных решений существующих проблем. Но если правый популизм имел явную выраженную нейтивистскую окраску и был направлен главным образом против государства, которое, по их мнению, захвачено либеральной элитой, то левые популисты исповедовали мультикультурализм и видели главного врага в большом бизнесе и его союзниках справа. В недавней монографии нашей кафедры, посвященной правому популизму, подробно об этом говорится (Капитонова, Магадеев, Печатнов, 2020). В Демократической партии левопопулистский фланг ярко представляют сенаторы из Новой Англии Б. Сандерс и Э. Уоррен. При Б. Обаме и Д. Трампе эти крайние фланги усилились в рамках углубившейся партийно-политической поляризации, в которой оба эти президента сами по себе были «раскалывающими фигурами»: демократы полевели под давлением движений *Me-too* и *Black Lives Matter*, а республиканцы поправились, получив сильную прививку «трампизма». Как показывает анализ голосований в Конгрессе и на выборах, а также социологические исследования электората, правый уклон республиканцев оказался заметно сильнее, чем полевание демократов, ибо «Великая старая партия», по сути, оказалась под доминированием ее трампистского крыла. Вообще, если бы не монополия двухпартийной системы, в США могло бы образоваться четыре политических партии: леворадикальная (левопопулистская) и либеральная на месте

демократов, право-популистская и консервативная на месте республиканцев. Кстати, это бы ослабило нынешний раскол между двумя враждующими полюсами; неслучайно подобные рецепты ныне предлагаются некоторыми специалистами.

М.С.: В своем классическом труде «Постижение истории» английский историк Арнольд Тойнби высказывает следующую мысль: «Если лучи социального влияния, исходящие от растущей цивилизации, можно уподобить белому свету, вобравшему в себя все цвета, то лучи, исходящие от распадающейся цивилизации, можно сравнить с радугой, образуемой в результате дифракции. В приложении к социальному излучению три составляющие «белого света» – это политика, культура и экономика». Если посмотреть на исторический процесс в Америке под этим углом, может создаться впечатление, что долгое время Соединенные Штаты «вбирали» в себя буквально «все цвета» и старались спроецировать получившийся свет в тот, который бы светил «с холма» остальному миру. А теперь во всех трех составляющих этого света – и в политике, и в культуре, и в экономике – наблюдается своего рода политическая дифракция. Можно ли, по Вашей оценке, в этом видеть признак деградации и упадка американского государства в том виде, в котором его знает мир с конца 1940-х и особенно с конца 1980-х гг., или кризисные симптомы, которые мы наблюдаем, не означают «гибели империи», и накопленный запас прочности и возвращенные со времен холодной войны семена влияния по всему миру позволят США выйти из этого состояния еще более сильными и не позволят Китаю заместить их на мировом олимпе?

В.П.: Это ключевой вопрос, который сейчас волнует и саму Америку, и ее союзников, и ее противников: ощущение упадка США тревожит одних и радует других. Если верить Трампу и его сторонникам, Америка уже превратилась в «страну третьего мира». Здесь важно не поддаваться крайностям, не выдавать желаемое за действительное и видеть картину в целом. Если отталкиваться от триады Тойнби – политика, культура и экономика, то благополучнее всего дело, на мой взгляд, обстоит как раз с экономикой.

Экономический мотор американского капитализма продолжает работать весьма эффективно и динамично. Доля США в номинальном мировом ВВП остается примерно на уровне одной четвертой. В последние годы США увеличили отрыв от ЕС по ряду важнейших показателей – темпам экономического роста, производительности труда, подушевому ВВП. Главным вызовом остается Китай, но он сталкивается с растущими внутренними проблемами и, возможно, уже прошел пик своего экономического роста. В то же время китайский технологический вызов помогает Америке мобилизоваться в развитии собственных высоких технологий. Принятый в 2022 году «Закон о чипах и науке» запустил огромную программу государственного стимулирования производства полупроводников и научных разработок в этой области. Так что перспективы гонки высоких технологий между США и Китаем не выглядят для американцев однозначно мрачными.

Ослабление «излучения» американской культуры в мире измерить сложнее. Налицо растущее сопротивление экспансии массовой культуры США со стороны традиционных культур исламского мира и так называемого Глобального Юга. Постмодернистские ценности (мультикультурализм, апологетика ЛГБТ, пересмотр понятия традиционной семьи) плохо приживаются даже в христианской Европе и в самой американской глубинке. В то же время Америка сохраняет лидерство на мировом кинорынке, в экспорте развлекательного контента в Интернете, присутствии в глобальных социальных сетях. В этом помогает и ресурсное преобладание США среди крупнейших мировых телекоммуникационных кампаний и информационных холдингов. Социологические исследования показывают, что лучшие американские университеты, шоу-бизнес, американский образ жизни сохраняют привлекательность во многих странах и регионах мира.

Хуже всего дело обстоит в политике. Политическая система США, бывшая ранее предметом гордости и экспорта, находится в глубоком кризисе. Он отражает уже упомянутый раскол социума и элит, но усиливается и особенностями самой политической системы, которая не рассчитана на такой уровень поляризации. Во-первых, двухпартийная система работает стабильно при консенсусе в отношении базовых политических ценностей и правил игры. В условиях поляризации, когда этот консенсус разваливается, она лишь усиливает политическое размежевание вокруг двух противоположных полюсов.

Во-вторых, в американской политической системе немало антимажоритарных свойств, которые дают возможность даже небольшим групповым интересам блокировать волю большинства и парализовать работу всей государственной машины. Ф. Фукуяма удачно назвал эту систему «ветократией». Яркий тому пример – нынешние действия про-трампистской группировки в Палате представителей. Кризис доверия американцев к своей избирательной системе и политическим институтам достиг небывалых масштабов. Под вопросом оказывается даже мирный переход власти от одной партии к другой. Все это, разумеется, негативно сказывается на авторитете США в мире и американской «мягкой силе» в целом. Недаром лейтмотивом недавних выступлений «старой гвардии» политической элиты США – Р. Гейтса, Р. Хаасса, К. Райс и других – стал тезис о том, что основная угроза Америке и ее лидерству в мире исходит изнутри, от внутреннего раскола и дисфункции политической системы (Gates, 2023).

Насколько обратимы эта политическая деградация Америки и ослабление ее мировых позиций? Уверен, что возврат к гегемонии образца первой холодной войны исключен – мир для этого стал слишком сложным и полицентричным. Соединенным Штатам неизбежно придется к этому приспособляться и искать для себя новую, более скромную роль. Процесс этот будет болезненным и нелинейным, с вероятными зигзагами, тем более, что политическую систему США, на мой взгляд, будет и дальше лихорадить, поскольку нынешний раскол имеет глубокий и долгосрочный характер. Вместе с тем, Америка не раз демонстрировала способность преодолевать политические

кризисы и выходить из них обновленной за счет серьезных реформ, как это было, например, в период «Прогрессивной эры» начала прошлого века, «Великой депрессии» 1930-х гг. или кризиса либерализма в 1970-х гг. Более того, в силу инерционного и вязкого характера американской политической системы с ее «сдержками и противовесами», подобные прорывы в модернизации чаще всего и происходят под давлением кризисов и накопившихся проблем. Но, как показывает тот же исторический опыт, они требуют сильного политического руководства, которого в Америке пока не видно. Впрочем, измельчение политического лидерства свойственно всему современному Западу, как показано, в частности, в нашей недавней коллективной работе (Окунева, Печатнов, Капитонова, 2022).

М.С.: Какой период американской истории представляется Вам как исторiku наиболее интересным? И какой сюжет современной Америки увлекает Вас как исследователя с точки зрения перспектив дальнейшего развития темы?

В.П.: Меня больше всего интересуют периоды развития американской демократии, которые В.В. Согрин называет «высокими», то есть времена тех самых прорывов к расширению демократии и углублению самого ее содержания. Обычно это происходит под давлением массовых движений социального протеста, заставляющих политическую элиту страны идти на уступки в проведении назревших реформ. Этот процесс, как правило, сопровождается серьезной перегруппировкой сил на уровне электората и самой политической элиты в ходе так называемых «критических выборов»; возникает новая устойчивая коалиция большинства, которая определяет вектор социально-экономического и политического развития страны на годы вперед. Противоречие между новой повесткой дня и старой политикой (низы не хотят, а верхи не могут) снимается не путем революционных насильственных потрясений, а через процесс выборов и проведение реформ. Некоторые американские политологи даже называют подобные партийные перегруппировки (*party realignment*) «функциональным эквивалентом революций». Мы с коллегами из МГУ еще в советское время стали подробно изучать работу этого механизма (Галкин, Маныкин, Печатнов, 1987). Классический пример – годы «нового курса», положившие начало длительному периоду преобладания Демократической партии и либеральной политики, продолжавшемуся до конца 1960-х гг. Этот период был отмечен расцветом кейнсианства, ростом социального государства и сокращением имущественного неравенства. Затем этот ослабевший «порядок нового курса» был вытеснен рейгановским неолиберализмом, сформировавшимся на основе Республиканской партии и сменившим вектор развития страны в сторону дерегулирования, укрепления рыночных механизмов, усиления позиций бизнеса и роста неравенства в доходах.

Похоже, что к настоящему времени этот неолиберальный порядок тоже исчерпал свои возможности и вопрос заключается в том, что придет ему на замену. Этой смене парадигм посвящена недавняя работа известного

американского историка Г. Герстла (Gerstle, 2022). Сакраментальный вопрос «куда идет Америка?» приобретает новый актуальный смысл, и от выбора нового вектора развития зависит не только судьба самих США, но и многое в окружающем их мире, особенно на Западе, который традиционно ориентируется на американскую модель. К сожалению, эта тема мулсируется у нас в основном дилетантами, хотя серьезный ответ на этот вопрос требует целого комплекса междисциплинарных исследований с участием историков, экономистов и политологов.

М.С.: В заключение: в одноименной статье отечественный американист А.И. Уткин задался вопросом «Зачем Россия Америке?» и предложил гипотезу, что с помощью России США в критические для себя моменты истории решали жизненно важные задачи: достижение победы в войне за независимость; помощь Северу в гражданской войне; обретение победы во Второй мировой войне; установление рамки стратегической стабильности, чтобы избежать ядерной войны, но сохранить возможность борьбы с СССР другими средствами; нераспространение ОМУ; тактическое союзничество в борьбе с международным терроризмом и т.д. (Уткин, 2004). А зачем России Америка?

В.П.: Начну с вопроса «Зачем Россия Америке?». К списку А.И. Уткина я бы добавил советский вызов в годы холодной войны как стимул к проведению внутренних реформ. А. Тойнби сравнивал его с функциональной ролью дьявола, который заставлял Запад делать то, что и так необходимо. Документально доказано, что модернизация американской системы высшего образования и фундаментальной науки, создание NASA и государственной космической программы в 1950–1960-х годах стало прямым следствием соревнования с СССР, а социальные реформы 1960-х годов (особенно «война с бедностью») тоже, хотя и более косвенно, были связаны с соревнованием систем. Да и во внешней политике наличие системной альтернативы американскому капитализму и «американской империи» вынуждало США к большей предупредительности в отношениях с союзниками и нейтралами в борьбе «за душу человечества», по выражению американского историка М. Леффлера (Leffler, 2007). И напротив, исчезновение этой альтернативы усилило в США тенденцию к застою, самонадеянности и откровенному эгоизму во внешних делах, а уход советского противовеса развязал им руки в военных интервенциях за рубежом.

Что же касается нужды России в Америке, то, во-первых, нравится нам это или нет, но без участия США невозможно решать вопросы стратегической стабильности, нераспространения ОМУ и глобальные проблемы – изменения климата, пандемии и др. Без США вряд ли возможна и нормализация отношений с Европой, к которой рано или поздно придется вернуться. Во-вторых, Америка полезна как референтная группа – конституирующий «другой», который помогает нам в определении своей идентичности даже по принципу отталкивания и противопоставления. Наконец, американский опыт – как позитивный, так и негативный – в нашей стране всегда был и остается объектом пристального внимания.

Список литературы

1. Галкин И.В., Маныкин А.С., Печатнов В.О. (1987) Двухпартийная система в политической истории США. *Вопросы истории* 9.
2. Кокошин А.А. (2014) Известный историк-американист Владимир Олегович Печатнов. *Вестник МГИМО-Университета* 2 (35): 333–337.
3. *Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада* (2022) Л.С. Окунева, В.О. Печатнов, Н.К. Капитонова (и др.) Под ред. Л.С. Окуневой. М.: МГИМО-Университет.
4. Печатнов В.О. (1980) *Демократическая партия США: избиратели и политика*. М.: Наука.
5. Печатнов В.О. (2008) *От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя*. М.: Наука.
6. Печатнов В.О. (2022) «Левый уклон» в демократической партии США (1970–1972 гг.). *История и политика*. М.: Изд-во «Аспект-пресс»: 427–448.
7. *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* (2020) Н.К. Капитонова, И.Э. Магадеев, В.О. Печатнов [и др.]. Под редакцией Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет.
8. Согрин В.В. (2015) *США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя*. М.: Весь Мир.
9. Уткин А.И. (2004) Зачем Россия Америке? *Международные процессы*. Т.2. 2(5): 130–137.
10. Gaddis J. (2005) *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy during the Cold War*. Rev. and expanded edition. New York: Oxford University Press.
11. Gates R. (2023) The Dysfunctional Superpower: Can a Divided America Deter China and Russia? *Foreign Affairs*, November/December 2023.
12. Gerstle G. (2022) *The Rise and Fall of the Neoliberal Order. America and the World in the Free Market Era*. New York: Oxford University Press.
13. Leffler M. (2007) *For the Soul of Mankind. The United States, the Soviet Union and the Cold War*. New York: Hill and Wang.

Comparative Politics. Volume 15. No. 1. January–March / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-1-15-144-155

"AMERICA FRACTURED?" THE PRESENT AND FUTURE OF DEMOCRACY, IDEOLOGY AND PARTY SYSTEM IN THE UNITED STATES

About the interviewee:

Dr. Vladimir O. PECHATNOV – Professor, Department of European and American Studies, Honorary Professor, MGIMO University; Honored Scientist of the Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-6733-031x. E-mail: vopechatnov@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

The interview was conducted by **Dr. Maxim A. SUCHKOV**, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems, Director, Institute for International Studies, MGIMO University; Deputy Editor-in-Chief, Comparative Politics Journal.

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received March 10, 2024

Accepted March 28, 2024

Abstract: The politics of the United States, both internal and external, and the analysis of its historiosophic foundations, topical subjects, trends and prospects of development have occupied a special place in the Russian school of international relations. On the one hand, interest in this topic has always been determined by its applied nature: for most of the 20th century, the USA was the main adversary of the USSR, and today the relations between the two countries are in a state of systemic confrontation, albeit of a different kind. On the other hand, with its history, economics, culture, ideology and politics, the USA as an experimental state and laboratory society has always been a field of scientific research and an object of intellectual reflection for researchers of all socio-humanitarian disciplines. All these works reveal different facets of American reality, but for Russian Americanists among historians and political scientists, those that allow them to find a key to understanding the driving forces of American politics and to forecast its development are especially valuable. The interview with leading Russian Historian-Americanist Dr. V.O. Pechatnov is an attempt to understand these key issues.

Keywords: U.S., strategy, foreign policy, continuity, ideology, political parties, Russia